

УДК 316.774

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/96/44>

ПОСЛЕДСТВИЯ И РИСКИ ВНЕДРЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПОВСЕДНЕВНУЮ СОЦИАЛЬНУЮ РЕАЛЬНОСТЬ МОЛОДЕЖИ

©Руденкин Д. В., ORCID: 0000-0001-8860-165X, SPIN-код: 9700-3150, канд. социол. наук,
независимый исследователь, г. Екатеринбург, Россия, dima-rud@mail.ru

©Лугин Д. А., ORCID: 0000-0001-5151-515X, SPIN-код: 4729-7285, Уральский федеральный
университет, г. Екатеринбург, Россия, belraccoon@mail.ru

CONSEQUENCES AND RISKS OF INTRODUCING INFORMATION TECHNOLOGY INTO THE DAILY SOCIAL REALITY OF YOUTH

©Rudenkin D., ORCID: 0000-0001-8860-165X, SPIN-code: 9700-3150, Ph.D., independent
researcher, Ekaterinburg, Russia, dima-rud@mail.ru

©Lugin D., ORCID: 0000-0001-5151-515X, SPIN-code: 4729-7285, Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia, belraccoon@mail.ru

Аннотация. Работа написана в теоретико-методологическом жанре и ориентирована на проблематизацию эффектов влияния цифровизации общества на повседневную реальность, окружающую представителей молодежи. Авторы рассматривают ускоряющееся внедрение информационных технологий в жизнь общества как сложный и противоречивый процесс, результатом которого становится не только появление новых возможностей, но и серьезных рисков. Обращаясь к анализу актуальной российской и зарубежной научной литературы, авторы стремятся прояснить специфические черты представителей молодежи, взрослеющих в условиях прогрессирующей цифровизации общества, и определить наиболее существенные риски, которые появляются в жизни этих людей в связи с высокой интенсивностью использования информационных технологий. Опираясь на данные собственного теоретико-методологического анализа, авторы приходят к выводу, что взросление в условиях интенсивного распространения информационных технологий формирует у представителей молодежи привычку использовать такие технологии для решения принципиально неограниченного объема повседневных задач. Анализ результатов актуальных социологических исследований приводит авторов к выводу, что такая высокая интенсивность использования информационных технологий сталкивает представителей молодежи с целым рядом серьезных рисков, которые могут быть сгруппированы на три разновидности: физиологические, психологические и социальные. Авторы описывают специфику проявления каждой из разновидностей таких рисков и идентифицируют факторы чувствительности представителей молодежи к каждому из них. Стараясь воздерживаться от неуместной технофобии, авторы стремятся отметить важность критического взгляда на неоднозначные последствия влияния таких рисков на будущее представителей молодежи, взрослеющих в условиях цифровизации общества, и призывают коллег к профессиональному обсуждению и дальнейшему исследованию соответствующей проблематики.

Abstract. The paper is prepared in a genre of theoretical analysis and focuses on clarification of effects the influence of digitalization of society on the everyday reality surrounding young people. The authors consider the rapid introduction of information technologies into the life of

society as a complex and contradictory process, leading not only to the emergence of various new opportunities, but also to a series of remarkable risks. Basing on the analysis of current Russian and foreign scientific literature, the authors seek to clarify the specific features of young people growing up in the context of the progressive digitalization of society, and to identify the most significant risks that appear in the lives of these people due to the high intensity of use of information technologies. Using the data of their theoretical analysis, the authors make a conclusion that growing up in conditions of intensive digitalization of society accustoms young people to active use of these technologies to solve a wide variety of everyday tasks. Analysis of the results of current sociological research leads the authors to the conclusion that such a high intensity of use of information technologies confronts young people with many serious risks, which can be grouped into three types: physiological, psychological, and social ones. The authors describe the specific manifestations of each type of such risks and identify factors of sensitivity of young people to each of them. Trying to refrain from inappropriate technophobia, the authors strive to note the importance of a critical look at the ambiguous consequences of the influence of such risks on the future of young people growing up in the conditions of digitalization of society and try to invite their colleagues for professional discussion and further research on relevant issues.

Ключевые слова: информационные технологии, Интернет, цифровизация, цифровое общество, информационное общество, молодежь.

Keywords: information technology, Internet, digitalization, digital society, information society, youth.

Стремительное развитие информационных технологий и их прогрессирующее проникновение в жизнь общества оказывает существенное влияние на социальный контекст, в котором вступают в жизнь нынешние представители молодежи. Несмотря на то, что темпы и глубина проникновения таких технологий в повседневную жизнь людей в разных странах и регионах мира в настоящее время значительно различаются, их распространение происходит практически везде. С одной стороны, почву для этого процесса создает быстрая эволюция технических решений, лежащих в основе функционирования информационных технологий, которая одновременно и расширяет их функционал, и повышает их доступность и удобность для среднестатистического человека. С другой стороны, развитие таких технологий и их внедрение в повседневную жизнь общества помогает оптимизировать, упростить и ускорить решение многих задач, поэтому интерес к их применению проявляют одновременно, и политики, и предприниматели, и рядовые пользователи. Однако усиливающаяся интервенция таких технологий в жизнь общества существенно влияет на ту повседневную реальность, которая окружает жизнь людей. Типичные реалии жизни современного человека включают почти круглосуточный доступ к Интернету, возможность свободно пользоваться большими потоками разнообразной информации, возможность работать, учиться или общаться с друзьями прямо из своего дома и многие другие новшества, которые могли бы сильно удивить людей прошлых эпох.

Вероятно, было бы слишком смело утверждать, будто все это свидетельствует о наступлении некой новой стадии развития человечества и воплощении в жизнь смелых прогнозов, сформулированных авторами научной фантастики. Тем не менее, очевидно, что такое глубокое внедрение новых информационных технологий в социальные практики происходит впервые. Поэтому можно сказать, что взросление и социализация современных молодых людей происходят в довольно специфическом социальном и технологическом

контексте, который существенно отличается от условий, сопровождавших жизнь предшествующих поколений. Специфичность этого контекста актуализирует вопрос о социальных и антропологических эффектах внедрения информационных технологий в повседневную реальность, окружающую современных представителей молодежи. Какие особенности характерны для молодых людей, вступающих в жизнь в условиях интенсивного внедрения информационных технологий в жизнь общества? Как эти люди привыкли вести себя в окружающих их реалиях информационного общества? Какие риски и угрозы создает для них распространение информационных технологий? Данная научная работа посвящена поиску ответов именно на эти вопросы.

Особенности молодежи цифровой эпохи

Прежде всего, необходимо сделать важное методологическое пояснение относительно термина «информационные технологии», который будет систематически использоваться авторами этого текста в ходе последующих рассуждений. Это довольно неоднозначный и запутанный термин, который пока не получил однозначной и устойчивой интерпретации в теоретической научной литературе. Тем не менее, в данном тексте этот термин будет применяться в конкретном контексте и будет использоваться для обобщенного наименования инженерных решений, программного обеспечения и сервисов, позволяющих людям свободно создавать, сохранять, распространять и использовать в своих целях любую необходимую информацию (фактически это определение развивает подход, обозначенный в работах И. Ллойда [1]). Возможно, это не безупречная трактовка понятия «информационные технологии» и в иных научных работах оно может определяться по-другому. Тем не менее, такая обобщенная трактовка этого термина удобна в контексте данного раздела работы, основной фокус которого направлен не на детальный анализ развития отдельных технологий, а на эффекты их внедрения в социальную реальность молодежи. Поэтому авторы данного раздела посчитали возможным использование термина «информационные технологии» именно в таком смысле. Таким образом, здесь и далее по тексту бумаги внедрение информационных технологий в социальную реальность будет трактоваться авторами как процесс превращения Интернет-ресурсов и инженерных решений, обеспечивающих их доступность для массового пользователя, в важный инструмент организации повседневной жизни современного общества.

Стоит отметить, что вопрос о специфичности взросления и социализации молодежи в условиях интенсивного проникновения информационных технологий в жизнь общества уже довольно давно привлек внимание исследователей в области социальных наук. Более того, в науке сформировалось как минимум два устойчивых концепта, которые часто используются для описания представителей молодежи, взрослых именно в таких специфических обстоятельствах. Первый из таких концептов — термин «цифровые аборигены», который был предложен американским социологом М. Пренски для обозначения людей, взрослых в условиях тотального распространения Интернета, привыкших активно использовать его для решения практически всех своих задач и плохо представляющих себе жизнь без его применения [2].

В исследовательской литературе часто используется и иной аналогичный термин, который также применяется для обозначения людей, взрослых в условиях прогрессирующей интеграции информационных технологий в жизнь общества, — «Поколение Z» [3, 4].

В теоретической социологической литературе оба этих термина вызвали определенные методологические дискуссии. Понятие «цифровые аборигены» подвергалось

критике за относительную публицистичность [5] и размытость эмпирических критериев, по которым «цифровые аборигены» могут быть идентифицированы при проведении эмпирического социологического анализа [6]. В то же самое время критики термина «Поколение Z» часто указывали на условность критериев и возрастных границ, лежащих в основе выделения этих людей в отдельное поколение [7]. Тем не менее, несмотря на определенную справедливость такой критики и объективную аналитическую уязвимость этих научных терминов, оба они укоренились в практике молодежных исследований и регулярно используются при реализации конкретных научных проектов в этой области [8-10].

В свою очередь, систематическое использование обоих этих терминов в устоявшейся практике молодежных исследований говорит о том, что исследователи привыкли приписывать представителям молодежи, взрослеющим в условиях прогрессирующего внедрения информационных технологий в социальную реальность, специфические черты сознания и поведения.

Обобщение результатов предшествующих социологических исследований показывает, что чаще всего социологи отмечают у молодых людей, взрослеющих в ситуации внедрения информационных технологий в социальную реальность, как минимум четыре специфические особенности, которые существенно отличают их от представителей предшествующих поколений:

Во-первых, такие люди быстро привыкают пользоваться разнообразными гаджетами и информационными технологиями и применяют их активнее и увереннее, чем представители других поколений.

Во-вторых, они способны пользоваться информационными технологиями в режиме мультитаскичности и уверенно работают с большим количеством разнообразных источников информации одновременно.

В-третьих, они склонны использовать информационные технологии как основной инструмент коммуникации с окружающими людьми и поддержания социальных связей.

В-четвертых, они воспринимают информационные технологии не только как средство коммуникации, но и как инструмент, позволяющий им решать принципиально неограниченный перечень повседневных задач.

Разумеется, в научной литературе упоминаются и иные специфические особенности сознания и поведения представителей молодежи, взрослеющих в условиях повсеместного внедрения информационных технологий в социальную реальность: исследователи приписывают таким людям повышенную склонность к виртуальному общению при помощи социальных сетей [11], склонность заменять реальную гражданскую активность на эмоциональные дискуссии в Интернете [12] и иные свойства. Тем не менее, перечисленные выше особенности упоминаются все же чаще остальных. В частности, мы находим характерные примеры этого в трудах Т.В. Большуновой [13], А. Долот [14], Е. Глебовой [15] и других специалистов в области молодежных исследований. Фактически можно сказать, что в настоящее время исследователи приписывают молодым людям, взрослеющим в условиях распространения информационных технологий, примерно те же качества, о которых говорил еще упоминавшийся выше М. Пренски [16]. Вероятно, можно сказать, что такой взгляд на представителей молодежи этой эпохи стал своеобразным мейнстримом текущих молодежных исследований.

Примечательно, что эмпирические социологические исследования подтверждают, что многие молодые люди, взрослевшие в условиях интенсивного проникновения информационных технологий в жизнь общества, действительно обладают такими чертами.

В 2018-2022 гг. один из авторов этого текста выполнял серию социологических исследований, в центре которых оказались практики Интернет-активности российской молодежи в возрасте от 18 до 30 лет. Эти исследовательские проекты позволили получить целый ряд примечательных результатов, которые показывают, что представители молодежи, взрослеющие в условиях прогрессирующего внедрения информационных технологий в социальную реальность, действительно часто обладают теми чертами, которые были упомянуты выше. Эти исследования продемонстрировали целую серию примечательных фактов, характеризующих особенности сознания и поведения тех представителей молодежи, взросление и социализация которых пришлось на период активного внедрения информационных технологий в социальную реальность российского общества:

В среднем такие люди проводили в Интернете не менее 4 часов каждый день и называли как минимум 6 основных целей его использования [17]. Характерно, что оба этих показателя почти в два раза превышали средние значения по всему российскому обществу на момент проведения исследования.

80% из них воспринимали мессенджеры, социальные медиа и иные форматы Интернет-переписки как наиболее предпочтительный формат коммуникации со своими знакомыми, а 74% признавали, что легко готовы использовать такие сервисы для общения с людьми, которых они не знают оффлайн [18].

68% из них признавались, что им было бы сложно обойтись без использования Интернета и смартфона в повседневной жизни [19].

65% из них отмечали, что не пользовались телевидением, радио и прессой и узнавали новости преимущественно из лент своих социальных медиа [20].

52% из них использовали Интернет не только для общения и поиска информации, но и для обучения, работы, шопинга, развлечений [21].

Легко заметить, что все эти эмпирические показатели практически дословно иллюстрируют те специфические особенности, которые современная социально-гуманитарная наука приписывает представителям молодежи, взрослеющим в реалиях цифрового общества.

Принципиальная схожесть результатов, которые были получены в ходе каждого из тех исследовательских проектов, свидетельствует о том, что все они фиксировали относительно устойчивые особенности сознания и поведения, сформировавшиеся у представителей российской молодежи, взрослевших в условиях интенсивного распространения информационных технологий в жизни общества. Кроме того, результаты этих исследований оказались созвучны итогам других социологических проектов, которые в аналогичное время были выполнены в других странах и регионах (например, можно упомянуть исследования, которые проводили Е. Тулин [22], Дж. Симпсон [23] и Л. Пак [24]). Поэтому представляется вероятным, что обнаруженные особенности сознания и поведения молодежи, вступающей в жизнь в условиях интенсивного проникновения информационных технологий в жизнь общества, являются относительно универсальными.

Таким образом, можно сказать, что прогрессирующая экспансия информационных технологий в социальную реальность не только влияет на общий контекст повседневной жизни, окружающей современных представителей молодежи, но и формирует у них специфические качества, выделяющие их на фоне других поколений. Взрослея в условиях повсеместного внедрения информационных технологий в окружающую жизнь, современные молодые люди быстро привыкают активно пользоваться такими технологиями, выстраивают свой быт на базе их регулярного использования, воспринимают их как основной инструмент коммуникации и плохо представляют себе, как можно обойтись без них в повседневной

жизни. В каком-то смысле можно сказать, что информационные технологии становятся фундаментом того коммуникативного пространства, в котором они существуют. И даже в том случае, если они смогут обойтись без применения таких технологий в своей жизни, сама необходимость это делать вызовет у многих из них большой дискомфорт.

Актуальные молодежные исследования показывают, что учет этих своеобразных черт может открывать целый ряд новых возможностей, для специалистов в области образования и управления общественным мнением. Опора на информационные технологии позволяет адаптировать сложный образовательный контент к коммуникативным привычкам современных молодых людей [25, 26]. Кроме того, ставка на нестандартные инструменты, появившиеся в результате развития информационных технологий (например, видеоблоги) позволяет эффективно информировать молодых людей о важных проблемах и вопросах, не вызывающих у них интереса при использовании стандартных просветительских технологий, вроде публичных лекций или научно-популярных книг [27]. Подобные проекты пока внедряются осторожно и адресно. Однако перспектива развития практики их внедрения, безусловно, существует.

Вместе с тем важно принимать во внимание, что вне зависимости от того, учитываются ли такие особенности современной молодежи в управленческой или образовательной работе, сами по себе такие особенности в любом случае существуют и задают определенную рамку мышления и поведения таких людей. Не имеет значения, называем мы этих людей «Цифровыми аборигенами», «Поколением Z» или каким бы то ни было иным образом, они являются довольно специфическим социальным сообществом, логика мышления и поведения которого обладает целым рядом своеобразных черт. Многие из этих людей не общаются при помощи информационных технологий, а скорее живут в той социальной реальности, которую помогают создавать такие технологии.

Цифровизация общества как фактор рисков для молодежи

Если информационные технологии становятся неотъемлемой частью повседневной реальности современных представителей молодежи, то вполне разумно задуматься о рисках и опасностях, которые приносят эти технологии и их жизнь. Разумеется, было бы нелепо категорично обвинять информационные технологии в заведомо деструктивном влиянии на современную молодежь и призывать к ограничению или запрету их использования. Во-первых, такая радикальная точка зрения во многом лишена смысла: выглядит очевидным, что и развитие информационных технологий, и их прогрессирующее внедрение в социальную реальность становятся закономерным следствием развития науки и общества, поэтому сложно представить сценарий, при котором искусственные ограничения этих процессов окажутся эффективными. Во-вторых, такая позиция противоречит фактам: как и упоминалось выше, склонность молодежи к активному использованию информационных технологий открывает много возможностей для просвещения и образования, поэтому говорить об исключительно негативных эффектах популярности таких технологий было бы неправильно. Тем не менее, важно учитывать, что любой масштабный социальный процесс является противоречивым и потенциально может создавать не только перспективные возможности для людей, но и риски. И постановка вопроса о рисках, которые возникают в жизни молодежи из-за активного проникновения информационных технологий в их социальную реальность, является более чем обоснованной.

Дополнительной актуальности этому вопросу придает усиливающийся рост интереса к таким рискам со стороны социальной науки. Показательно, что в настоящее время одним из популярных направлений социологических исследований по всему миру становится

изучение цифровой гигиены, под которой обычно понимается некая система правил безопасного поведения, позволяющих человеку минимизировать риски, связанные с использованием информационных технологий [28]. Значительный рост интереса исследователей к этой теме подтверждает, в частности, увеличение количества профильных научных публикаций: в 2011-2016 гг. в базе Scopus были проиндексированы всего 205 научных бумаг, посвященных проблематике цифровой гигиены, но в последующие пять лет их оказалось уже 525. Очевидная активизация разработок в этой области говорит о том, что современная социальная наука отходит от прежнего оптимистического взгляда на внедрение информационных технологий в повседневную социальную реальность и все более отчетливо акцентирует внимание на проблемах и опасностях, которые создает их распространение.

О каких же рисках здесь уместно говорить? Обобщение актуальных научных исследований позволяет отметить, что существует целый ряд потенциальных угроз, которые приносит в жизнь общества большая популярность информационных технологий и которые могут существенно влиять на жизнь молодежи, проявляющей повышенную активность при использовании таких технологий. Соответствующие риски можно условно разделить на физиологические, психологические и социальные. Рассмотрим каждую из данных разновидностей рисков подробнее.

1. Физиологические риски. Эта группа рисков включает в себя те потенциальные проблемы с физическим состоянием и здоровьем, которые могут появиться в жизни современной молодежи из-за изменений в социальной реальности, стимулированных внедрением информационных технологий в повседневную жизнь общества. Проведенный нами анализ актуальных ювенологических исследований показывает, что к таким физиологическим рискам можно отнести как минимум три конкретные проблемы.

Во-первых, сокращение физической активности. Быстрое внедрение информационных технологий в общественную жизнь позволило людям перевести многие из рутинных социальных процессов в виртуальный или удаленный формат. Современное развитие технологий позволяет человеку спокойно работать, получать образование, делать покупки, общаться с друзьями, вообще не покидая пределов собственного дома. Несомненно, эти перемены существенно облегчили жизнь людей, предоставив им много новых возможностей и позволяя им гибко планировать свое время. Но обратной стороной этого процесса стало исчезновение очевидных стимулов для физической активности, которые были у предшествующих поколений. Разумеется, это не означает, что цифровизация общества ведет к полному прекращению физической активности людей: инфраструктура любого населенного пункта включает в себя множество спортивных объектов и фитнес-клубов, при помощи которых все желающие могут держать себя в форме. К тому же очевидно, что, несмотря на интенсивное развитие сервисов дистанционных услуг и доставки, далеко не все используют их, чтобы круглосуточно сидеть в своем доме – в противном случае, мы просто не видели бы на улице толпы людей. Однако внедрение новых технологий в жизнь общества привело к тому, что степень физической активности человека начала зависеть от его выбора, а не от объективных внешних обстоятельств, вынуждающих его совершать те или иные физические активности каждый день. Возможности современных информационных технологий позволяют человеку успешно справляться со своими задачами даже в том случае, если все свое время он проводит на диване. Не удивительно, что в последние годы стали довольно регулярно появляться публикации, авторы которых ставят вопрос о проблемах со здоровьем, развивающихся у людей в результате снижения физической активности и сидячего образа жизни [29-31].

Такое положение дел означает, что современные представители молодежи, которые, как отмечалось выше, проявляют повышенную активность и гибкость при использовании информационных технологий, сталкиваются с необходимостью регулярно проявлять повышенную заботу о степени своей физической активности или сталкиваться с повышенной вероятностью развития целого ряда проблем со здоровьем: ожирения, диабета, проблем с сердцем и иных проблем.

Во-вторых, сокращение интеллектуальной активности. Человек, который повзрослел и живет в условиях постоянного доступа к Интернету, избалован возможностью в любой момент обратиться к разнообразным информационным ресурсам и быстро получить ответ на все необходимые вопросы. Имея в кармане смартфон с регулярным доступом к Интернету, такой человек может позволить себе искать нужную информацию адресно именно в тот момент, когда она нужна, вместо заучивания и запоминания большого числа фактов, которые могут никогда не пригодиться ему в реальной жизни. В каком-то смысле это упрощает жизнь общества: люди получают возможность эффективнее распоряжаться своим временем и относительно легко находить точные ответы именно на те вопросы, с которыми сталкиваются в жизни. Однако проблема в том, что такое положение дел делает людей зависимыми от информации, которую они находят на базе информационных ресурсов. Причем дело не только в том, что качество этой информации далеко не всегда является высоким. Привыкая жить в условиях иллюзии легкодоступности любой необходимой информации, человек лишается убедительной причины для самостоятельного изучения и запоминания новых фактов, которые необходимы для тренировки его памяти и интеллекта. Вероятным последствием отсутствия таких тренировок становится повышенный риск развития патологических состояний, связанных с постепенной деградацией памяти и интеллектуальных способностей. Характерно, что в последние годы были опубликованы сразу несколько работ, авторы которых предполагали, что активное внедрение информационных технологий в жизнь общества может в будущем привести к росту числа людей, страдающих от таких патологических состояний (в частности, от болезни Альцгеймера) [32-34].

Вероятно, что здесь действует та же логика, что и в случае с физической активностью. Если человек живет в условиях интенсивного развития информационных технологий, это совершенно не гарантирует ему в будущем проблем с психологическим здоровьем. Однако вопрос о степени интеллектуальной активности человека в таком обществе начинает в значительной степени зависеть от его выбора, а не от внешней необходимости. Жизнь в условиях интенсивного развития информационных технологий требует от человека повышенной ответственности при отношении к своему интеллекту. Поэтому, безусловно, можно говорить о том, что жизнь в подобных условиях сталкивает современных представителей молодежи с новым социальным риском, который не был актуален для прежних поколений.

В-третьих, возникновение информационных перегрузок. Ускоряющееся развитие информационных технологий и их усиленная интеграция в повседневную жизнь общества создают для человека противоречивую и дискомфортную среду: он оказывается окружен множеством потоков информации, разобраться в качестве и достоверности которых ему бывает сложно. Значительный объем этой информации может быть совершенно бессмысленным для человека и перегружать его мозг бесполезными для него новостями. Проблемой становится и противоречивость информации, транслируемой в разных источниках информации: человек получает большой поток взаимоисключающих информационных сообщений об одних и тех же событиях, не имея возможности оценить

степень достоверности каждого из таких сообщений. Обе эти проблемы создают благоприятные условия для формирования у человека психологической перегрузки из-за неспособности обработать большой объем разрозненной и зачастую бесполезной информации. О высокой вероятности развития таких перегрузок рассуждали еще те исследователи, которых сегодня принято относить к родоначальникам исследований информационного общества: Уэбстер [35], Т. Х. Эриксен [36], М. Кастельс [37]. Поэтому не удивительно, что в современных исследованиях этот вопрос также акцентируется довольно регулярно [38, 39]. Риск перегрузить свой мозг слишком большими объемами информации становится вполне типичен для современных молодых людей. Разумеется, следует учитывать, что чувствительность к информационным перегрузкам, которые могут возникать из-за активного развития информационных технологий, может быть вариативной и у всех людей проявляться по-разному. Верно и то, что человек всегда может минимизировать количество окружающих его информационных потоков и просто перестать реагировать на те сообщения, которые его мозг воспринимает как лишние или бесполезные. Тем не менее, сама необходимость как-то реагировать на существование большого числа информационных потоков становится новшеством для современных молодых людей. Прежние поколения молодежи, взросление и социализация которых проходили до повсеместного распространения информационных технологий, едва ли сталкивались с такой проблемой.

2. *Психологические риски.* К психологическим рискам могут быть отнесены вероятные угрозы и проблемы, которые развитие информационных технологий создает для психики и сознания современных молодых людей. Здесь также можно выделить несколько наиболее существенных проблем.

Во-первых, формирование зависимости от использования информационных технологий. Выше уже упоминалось, что представители молодежи, взрослеющие в условиях повсеместного распространения информационных технологий, привыкают выстраивать свою повседневную жизнь вокруг регулярного использования таких технологий и затрудняются представить свою жизнь без их применения. Даже само по себе упоминание этого обстоятельства актуализирует вопрос о возможности существования у молодежи зависимости от использования информационных технологий, то есть патологической неспособности организовать свою жизнь без их применения даже в тех обстоятельствах, когда это необходимо. И не удивительно, что вопрос о наличии такой зависимости периодически ставится в актуальной исследовательской литературе [40]. Впрочем, конечно, вопрос о том, можно ли считать активных пользователей таких технологий именно зависимыми от их использования – довольно спорный. Важно понимать, что зависимость в своем исходном значении предполагает именно наличие патологической неспособности обойтись без чего-либо [41]. Как справедливо отмечают N. Johnson и H. Keane, сложно сказать, насколько такая характеристика применима к людям, активно пользующимся информационными технологиями, если отказ от таких технологий оставит человека за границей множества привычных и необходимых социальных процессов [42]. Тем не менее, логика, приводящая именно к такой постановке вопроса, в целом ясна. Чем более активно человек пользуется информационными технологиями — тем сложнее ему становится обходиться без них. Разумеется, ситуация полного отключения всех привычных технологий, которую часто показывают фильмы в жанре научной фантастики, в реальности представляется довольно маловероятной. Тем не менее, ситуации, когда человеку приходится обходиться без их использования случаются довольно регулярно. Попадание в такие ситуации с большой вероятностью будет вызывать у многих из представителей современной молодежи как минимум дискомфорт.

Во-вторых, возникновени уязвимости перед манипулятивными технологиями и дезинформацией. Выше уже упоминалось, что взросление и социализация в реалиях цифрового общества предполагают систематическое погружение человека в большое число разнообразных и противоречивых информационных потоков, которое может стать серьезным вызовом для его психики. Однако серьезной проблемой является не только количество таких информационных потоков, но и их содержание. Современные информационные технологии являются удобным инструментом тиражирования множества сообщений, базирующихся на искаженной, неполной или даже заведомо ложной информации: теорий заговора, псевдонаучных теорий, фейк ньюс, и иного подобного контента. Прямо сейчас проблему усугубляет активное развитие технологий искусственного интеллекта и нейросетей, способности которых уже позволяют правдоподобно имитировать суждения, образ и голос любых людей и преподносить как истину то, чего никогда не происходило в действительности. Жизнь в условиях таких социальных реалий предполагает постоянное взаимодействие со множеством информационных потоков, многие из которых могут транслировать недостоверные сообщения. Человек, живущий в реалиях такого общества, систематически сталкивается с вопросом, где истина, а где ложь. Симптоматично, что в исследовательской литературе уже довольно давно обозначился интерес к воздействию таких информационных потоков на сознание и поведение представителей молодежи, взрослых в условиях повсеместного распространения информационных технологий [43, 44]. Современные молодые люди живут в мире, который регулярно сталкивает их с ложной информацией, отличать которую от правды им может быть сложно. Прежние поколения молодежи с такой проблемой не сталкивались.

В-третьих, формирование искаженных представлений о потреблении и качестве жизни. Активное использование информационных технологий погружает человека в виртуальное коммуникативное пространство, в котором он регулярно взаимодействует с большим числом людей, не видя их реальных лиц и не имея возможности четко верифицировать их личности. Специфика этого жанра коммуникации позволяет каждому человеку создавать и поддерживать свой собственный образ, который он сможет транслировать своим удаленным собеседникам. В свою очередь, это обстоятельство имеет два важных последствия. С одной стороны, каждый пользователь подобных сервисов имеет возможность показать себя окружающим таким, каким он хочет видеть себя сам: умолчать про свои проблемы или недостатки и сделав выраженный акцент на наиболее привлекательных деталях (или даже придумать такие привлекательные детали). С другой стороны, он может лишь подозревать, что все остальные пользователи склонны поступать точно так же, но не имеет реальной возможности проверить, оправдан ли его скепсис по отношению к ним. Возникает противоречивая ситуация: пользователь одновременно видит объективный образ собственной жизни (в которой есть известные ему сложности) и идеализированный образ жизни других людей, представляемый ими в коммуникации в виртуальном пространстве (который может приукрашивать существенно отличаться от их реальной жизни). Осознание этого иллюзорного контраста закладывает логический фундамент для ощущения несоответствия своей жизни неким идеалам, которые есть в жизни других. Разумеется, нужно принимать во внимание, что такая иллюзия развивается далеко не у всех людей и далеко не каждый пользователь современных информационных технологий будет сильно расстроен из-за несоответствия между своей жизнью и идеализированным образом чужой жизни, который транслируют ему социальные сети. Однако исследования последних лет показывают, что чувство несовершенства собственной жизни в сравнении с жизнью окружающих встречается среди пользователей социальных сетей довольно часто [45]. И это еще одна специфическая

проблема, которую развитие и внедрение информационных технологий привносит в жизнь современных представителей молодежи.

3. *Социальные риски.* К социальным рискам относятся потенциальные сложности, которые развитие информационных технологий создает для коммуникации молодых людей с окружающими людьми и их интеграции в повседневную жизнь общества. Как и в прежних случаях, здесь мы можем выделить целый ряд частных проблем.

Во-первых, вероятность компрометации персональных данных. Функционирование современных информационных технологий построено на систематическом сборе, обработке и использовании множества разрозненных персональных данных о людях и их образе жизни. Часть из таких данных пользователи информационных технологий распространяют добровольно и, возможно, даже обдуманно: когда люди пишут в своих социальных сетях записи, посвященные их путешествиям, работе, друзьям, они делают это самостоятельно, осознанно и без принуждения. Другие персональные данные собираются при помощи скрытых алгоритмов, о которых пользователи информационных технологий могут ничего не знать: именно так, например, происходит сбор данных о геолокации или поисковых запросах. Активный пользователь информационных технологий оставляет в информационном пространстве значительный объем персональных данных, характеризующих его образ жизни, привычки, планы, направления путешествий, контакты и множество иных связанных с ним деталей. По сути, можно сказать, что гаджеты и Интернет-ресурсы, которыми пользуется современный человек, становятся своеобразными агрегаторами больших объемов информации, способной охарактеризовать его жизнь в мельчайших подробностях. Понятно, что основным пользователем такой информации становятся Интернет-компании, стремящиеся оптимизировать алгоритмы своей работы и персонализировать контент, который предлагается конкретным пользователям. Однако периодические новости об утечке данных, которые собирают такие компании, свидетельствуют о том, что нередко подобная информация может попадать в распоряжение людей, имеющих явный недоброжелательный настрой: агрессивных пользователей [46], сталкеров [47], мошенников [48] и иных персон, которые могут причинить пользователю вред. И хотя очевидно, что абсолютное большинство активных пользователей информационных технологий никогда не столкнутся с последствиями попадания своих персональных данных в распоряжение таких людей, сама по себе вероятность такого сценария существует всегда. Современный человек вынужден жить в эпоху, когда исчерпывающая информация о нем и его жизни в любой момент может попасть в руки недоброжелателей и использована против него. Это серьезно отличает особенности жизни современных представителей молодежи от тех обстоятельств, в которых вступали в жизнь их родители.

Во-вторых, перспектива вовлечения в морально-этические конфликты. Развитие информационных технологий, в особенности Интернета и социальных сетей, придало публичность многим из тех частных разговоров и дискуссий, которые в прежние годы не выходили за пределы личной жизни людей. Функционирование Интернет-форумов, блогов, социальных сетей построено на публичном обмене сообщениями между пользователями. Архитектура всех этих сервисов удобна для публикации записей и публичного обмена сообщениями. А численность участников дискуссий, которые могут развиваться на их базе, принципиально не ограничена. Так что закономерно, что все они быстро превратились в трибуны для массовых дискуссий и провокационных высказываний. Вместе с тем коммуникация в таких сервисах принципиально отличается от привычных людям форматов персонифицированного общения. Многие высказывания, сделанные на базе форумов, блогов и социальных сетей, являются принципиально публичными и видны широкой аудитории.

Кроме того, сообщения, опубликованные на базе таких сервисов, почти во всех случаях сохраняются навсегда и могут быть обнаружены другими пользователями спустя много лет (избежать этого помогает разве что последовательное удаление пользователем своих высказываний). Поэтому необдуманные или намеренно дерзкие высказывания, совершенные на базе форумов, блогов, социальных сетей, могут создать людям намного больше проблем, чем обычный резкий разговор наедине. Совершив неосторожное высказывание в таких сервисах, человек всегда рискует вызвать негативную реакцию принципиально неограниченного числа других пользователей. В условиях одновременной коммуникации большого числа людей, обладающих разными ценностями, сервисы позволяют одновременно общаться между собой множеству пользователей с разными ценностями, религиозными убеждениями и политическими взглядами, вероятность задеть своими словами другого пользователя, представляется довольно существенной. Скандалы вокруг давних высказываний, которые когда-то сделали те или иные пользователи, происходят относительно редко, но все же они случаются. Поэтому не удивительно, что одним из развитых направлений исследований цифровой гигиены, о которой шла речь выше, стал поиск рекомендаций, позволяющих людям минимизировать вероятность развития конфликтов из-за недопониманий при коммуникации в виртуальном пространстве [49, 50]. Можно сказать, что представителям молодежи, взрослевшим в условиях тотального распространения информационных технологий, приходится жить в условиях принципиально большей ответственности за свои высказывания, чем было привычно прежним поколениям.

В-третьих, коммуникативные недопонимания с представителями прежних поколений. Выше уже неоднократно упоминалось, что сегодня в мире живет первое (или как минимум одно из первых) поколений молодежи, проходивших взросление и социализацию в условиях повсеместного распространения информационных технологий в жизни общества. Специфический опыт взросления и социализации этих людей существенно усугубляет культурные, коммуникативные, ценностные и иные различия между представителями этого поколения и их предшественниками. Вероятно, как таковые противоречия между представителями разных поколений существовали в том или ином виде всегда. И не удивительно, что серьезное внимание этой проблеме уделялось еще в первых бумагах в области молодежных исследований, которые были написаны в середине XX века [51-53].

Однако прогрессирующее внедрение информационных технологий в социальную реальность усиливает и усугубляет эту проблему. Привыкая пользоваться новыми информационными технологиями с первых лет жизни и выстраивая вокруг их применения свою повседневную жизнь, нынешние представители молодежи погружаются в особое коммуникативное пространство, которое намного менее привычно и понятно представителям других поколений. Исследования показывают, что они работают с большим числом источников информации и чаще базируются свое мнение на информации из социальных медиа, поэтому их убеждения и взгляды часто расходятся с суждениями представителей других поколений [54]. Они проводят много времени за использованием своих гаджетов и часто предпочитают виртуальные формы коммуникации, менее привычные старшим поколениям [55].

Даже проблемы, с которыми они сталкиваются в повседневной жизни, специфичны и мало известны представителям старших поколений (те риски, о которых шла речь выше, являются яркими примерами этого). Все это не делает представителей современной молодежи лучше или хуже представителей прошлых поколений. Тем не менее, все эти обстоятельства подчеркивают, что существенные различия в практиках использования информационных технологий подпитывают и усиливают коммуникативный разрыв

современной молодежи и прежних поколений. Фактически можно сказать, что современные представители молодежи живут и действуют в рамках той специфической коммуникативной реальности, которая мало понятна прежним поколениям.

Заключение

Конечно, описанная типология рисков, с которыми сталкиваются представители молодежи в результате усиливающегося проникновения информационных технологий в жизнь общества, может быть доработана и дополнена. Во-первых, исходная градация этих рисков на физиологические, психологические и социальные относительно условна: очевидно, что каждая из перечисленных выше проблем может оказывать многогранное влияние на жизнь человека, который с ней столкнется. Во-вторых, почти наверняка перечень упомянутых рисков может быть усовершенствован и дополнен: в основе рассуждений авторов данного раздела лежали лишь опыт их собственных социологических проектов и анализ актуальной научной литературы, поэтому исследователи, опирающиеся на другие данные, наверняка смогут расширить и углубить понимание рисков, возникающих в жизни молодежи под влиянием новых информационных технологий.

Однако представленная типология рисков исчерпывающе описывают ключевой тезис о противоречивом влиянии новых информационных технологий на представителей современной молодежи. Открывая перед молодыми людьми множество новых возможностей и становясь для них привычной коммуникативной площадкой, информационные технологии сталкивают их с целым рядом многогранных рисков, которые были не известны прежним поколениям. Было бы абсурдно призывать к запрету или ограничению внедрения таких технологий в социальную реальность молодежи. Как и говорилось выше, они настолько органично и естественно встроены в социальную реальность молодежи, что представить себе их запрет было бы практически невозможно. Однако разговор о неоднозначном влиянии таких технологий на социальную реальность молодежи, и на рисках, которые они создают очень важен. Прежние исследования авторов показывали, что многие из представителей молодежи не привыкли задумываться о проблемах и опасностях, с которыми они могут столкнуться при использовании новых технологий. И хотелось бы верить, что данный текст показывает, что такие риски действительно существуют и нуждаются во внимании.

*Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00603,
<https://rscf.ru/project/23-28-00603/>*

Список литературы:

1. Lloyd I. Information technology law. Oxford University Press, USA, 2020.
2. Prensky M. Digital natives, digital immigrants. Part 1 // On the Horizon. 2001. №9(5). P. 1–6. <https://doi.org/10.1108/10748120110424816>
3. Cilliers E. The challenge of teaching generation Z // People: International Journal of Social Sciences. 2017. №3(1). P. 188–198. <https://doi.org/10.20319/pijss.2017.31.188198>.
4. Rospigliosi P. The role of social media as a learning environment in the fully functioning university: preparing for Generation Z // Interactive learning environments. 2019. №27(4). P. 429–431. <https://doi.org/10.1080/10494820.2019.1601849>
5. Blankenship R. Are Digital Natives Real? Exploring The Myths And Realities Of The Digital Native Existence // INTED2017 Proceedings. P. 7826–7826. <https://doi.org/10.21125/inted.2017.1832>

6. Sanches J., Salinas A., Contreas D., Meyer, E. Does the new digital generation of learners exist? A qualitative study // *British journal of educational technology*. 2011. №42(4), P. 543–556. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8535.2010.01069.x>.
7. Кулакова А. Б. Поколение Z: теоретический аспект // *Вопросы территориального развития*. 2018. №2 (42). P. 1–10. <https://doi.org/10.15838 / tdi.2018.2.42.6>
8. Cretu I., Grigore M., Scripcariu I.-S. Get ready for gen Z, our next generation of medical students // *Revista de Cercetare si Interventie Sociala*. 2020. №69. P. 283–292. <https://doi.org/10.33788/rcis.69.18>
9. Šorgo A., Bartol T., Dolničar D., Podgornik B. Attributes of digital natives as predictors of information literacy in higher education // *British Journal of Educational Technology*. 2016. №48(3). P. 749–767. <https://doi.org/10.1111/bjet.12451>
10. Ohme J. When digital natives enter the electorate: Political social media use among first-time voters and its effects on campaign participation // *Journal of Information Technology & Politics*. 2019. № 16(2), P. 119–136. <https://doi.org/10.1080/19331681.2019.1613279>
11. Willems H, Décieux J., Heinen A.. Social Media and Its Role in Friendship-driven Interactions among Young People: A Mixed Methods Study // *Young*. 2019. №27(1). P. 18–31. <https://doi.org/10.1177/1103308818755516>
12. Cabrera N., Matias C., Montoya R. Activism or slacktivism? The potential and pitfalls of social media in contemporary student activism // *Journal of Diversity in Higher Education*. 2017. №10(4). P. 400–415. <https://doi.org/10.1037/dhe0000061>
13. Большунова Т. В. Ценностно-мотивационный аспект участия «поколения z» в современном политическом процессе // *Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История. Политология. Социология*. 2018. №1. С. 63–67.
14. Dolot A. The Characteristics of Generation Z // *E-mentor*. 2018. №2. P. 44–50. <https://doi.org/10.15219/em74.1351>
15. Глебова Е. А., Бганцева И. В., Тисленкова И. А., Тихаева В. В. Интернетизация современной молодежной субкультуры // *Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки*. 2020. №3. С. 4–37. <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2020.3.2>
16. Prensky M. Our Brains Extended // *Technology-Rich Learning*. 2013. №70(6). P. 22–27.
17. Руденкин Д. В., Руденкина А. И. Интернет в социальной реальности российской молодежи: тренды и риски // *Juvenis scientia*. 2019. №1. С. 43–48. <https://doi.org/10.32415/jscientia.2019.01.10>
18. Rudenkin D. Internet in Social Reality of Russian Youth: Potential Risks and Opportunities // *Proceedings of the Fourth International Scientific Conference «Communication Trends in the Post-literacy Era: Multilingualism, Multimodality, Multiculturalism»*. 2020. С. 270–283. <https://doi.org/10.18502/kss.v4i2.6345>
19. Руденкин Д. В. Интернет-зависимость российской молодежи: миф или реальность? // *Социум и власть*. 2019. №4(78). С. 16–28.
20. Руденкин Д. В., Трынов Д. В. Формирование интереса российской молодежи к политизированному контенту в Интернете: на пути к целостной аналитической модели // *Социодинамика*. 2021. №10. С. 51–61. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.10.35223>
21. Руденкин Д. В. Экспансия Интернета в пространство повседневной коммуникации российской молодежи: портрет явления // *Дискурс*. 2018. №4(18). С. 188–196.
22. Thulin E.. Always on my mind: How smartphones are transforming social contact among young // *Young*. 2017. №26(5). P. 1–19. <https://doi.org/10.1177/1103308817734512>

23. Simpson J. Twenty-first century contact: the use of mobile communication devices and the internet by young people in care // *Adoption and Fostering*. 2020. №44(1). P. 6–19. <https://doi.org/10.1177/0308575920906100>
24. Пак Л. Г. Социализация цифрового поколения студенческой молодежи в архитектонике высшего образования: теоретико-прикладной аспект // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета*. 2021. №1(37). С. 190–204. <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2021.37.16>
25. Peres P., Mesquita A. Characteristics and learning needs of Generation Z. // *Proceedings of the European Conference on e-Learning, ECEL*. 2018. P. 464-473
26. Szymkowiak A., Melovic B., Dabic M. Information technology and Gen Z: The role of teachers, the internet, and technology in the education of young people // *Technology in Society*. 2021. V. 65. P. 101565.. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2021.101565>
27. Руденкин Д. В. Специфика реакции молодежной аудитории на отражение социальных проблем в видеоблогах: кейс видео «ВИЧ в России» на YouTube-канале «Вдудь» // *Политика и Общество*. 2021. №2. С. 53–67. <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2021.2.36242>
28. Руденкин Д. В. Уровень развития навыков цифровой гигиены современной российской молодежи: итоги социологического исследования // *Социодинамика*. 2022. №1. С. 36–55. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2022.1.37487>
29. Lapousis G., Petsiou E.. The Impact of the Internet use in physical activity, exercise and academic Performance of school students aged 14-16 years old // *Economics of Innovation and New Technology*. 2017. №3. P. 12–16.
30. Alagoz N. & Keskinilic A. The relationship between internet and game addiction and the levels of physical activity of the secondary education students // *Medicine Science International Medical Journal*. 2022. №11. P. 267. <https://doi.org/10.5455/medscience.2021.12.405>
31. Kwok C., Leung P., Poon K., Fung X. The effects of internet gaming and social media use on physical activity, sleep, quality of life, and academic performance among university students in Hong Kong: A preliminary study // *Asian Journal of Social Health and Behavior*. 2021. №4(1). P. 36–44. https://doi.org/10.4103/shb.shb_81_20
32. Firth J, Torous J., Stubbs B. [и др.] The "online brain": how the Internet may be changing our cognition. // *World psychiatry: official journal of the World Psychiatric Association (WPA)*. 2019. №18. P. 119–129. <https://doi.org/10.1002/wps.20617>
33. Small G., Lee J., Kaufman A., Jalil J, Brain health consequences of digital technology use // *Dialogues in Clinical Neuroscience*. 2020. №22(2). P. 179–187. <https://doi.org/10.31887/DCNS.2020.22.2/gsmall>
34. Hoehe M., Thibaut F. Going digital: how technology use may influence human brains and behavior // *Dialogues in Clinical Neuroscience*, 2020. №22(2). P. 93–97. <https://doi.org/10.31887/DCNS.2020.22.2/mhoehe>
35. Weisner F. *Theories of the Information Society*. Routledge, London, UK. 2006.
36. Eriksen T. *Tyranny of the moment: fast and slow time in the Information age*. Pluto Press, London, UK. 2001.
37. Castells M. *The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, business, and society (Clarendon lectures in management studies)*. Oxford University Press, USA. 2003.
38. Khazaal Y. Mental Health apps: innovations and challenges // *Revue Medicale Suisse*. 2019. №15(663). P. 1650–1656. <https://doi.org/10.4236/etsn.2014.33003>
39. Sklar A. Sound, smart, and safe: A plea for teaching good digital hygiene. // *Learning landscapes* . 2017. №10(2). P. 39–43. <https://doi.org/10.36510/learnland.v10i2.799>.

40. Hundric D., Ricijas N., Vlček M. Youth and internet addiction: Review of contemporary knowledge // *Hrvatska Revija Za Rehabilitacijska Istrazivanja*. 2018. №54. P. 123–137. <https://doi.org/10.31299/hrri.54.1.9>
41. Варламова С. Н., Гончарова Е. Р., Соколова И. В. Интернет-зависимость молодежи мегаполисов: критерии и типология // *Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены*. 2015. №2. С. 165–181. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.2.11>
42. Johnson N., Keane H. Internet addiction? Temporality and life online in the networked society // *Time & Society*. 2015. № 26(3), P. 267–285. <https://doi.org/10.1177/0961463x15577279>
43. Deinla I., Mendoza G., Ballar K., Yap J. The link between fake news susceptibility and political polarization of the youth in the Philippines // *Asian Journal of Political Science*. 2022. №30. P. 1. <https://doi.org/10.1080/02185377.2022.2117713>
44. Baptista J., Gradim A., Correia E. The relationship between the belief in fake news and the strategies to seek information from young Portuguese people // *Observatorio*. 2022. №16. P. 203–232. <https://doi.org/10.15847/obsOBS16320222082>
45. Putta S., Kohir S., Chavan R. Social networking sites usage and psychological wellbeing: A survey among Telangana youth // *Ijpmonline*. 2022. №1. P. 21–28. <https://doi.org/10.26524/ijpm.1.4>
46. Seungchul L., Sungkyu L. A Study on the Role Types of Youth Cyberbullying and its Associated Factors // *Journal of Adolescent welfare*. 2022. №24. P. 119–146. <https://doi.org/10.19034/KAYW.2022.24.2.06>
47. Soita S., Njoroge H. Social Media Influence on Personal Security among the Youth in Nairobi City County, Kenya // *East African Journal of Information Technology*. 2023. №6(1). P. 1–14. <https://doi.org/doi.org/10.37284/eajit.6.1.1112>
48. Shrivastava R., Jain D. Impact of cybercrime on youth in lockdown // *Legal Research Development an International Refereed e-Journal*. 2021. №6. P. 15–20. <https://doi.org/10.53724/lrd/v6n1.04>
49. Elsaesser C., Patton D., Kelley A. Avoiding fights on social media: Strategies youth leverage to navigate conflict in a digital era // *Journal of Community Psychology* 2020. № 49. P. 1-10. <https://doi.org/10.1002/jcop.22363>
50. Jagannath K., Salen K., Slovak P. "(We) can talk it out..": designing for promoting conflict-resolution skills in youth on a moderated Minecraft server // *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*. 2020. №4. P.1–26. <https://doi.org/10.1145/3392855>.
51. Scott W., Hrasnick G. Generations and group consciousness: a quantification of Mannheim's analogy // *Youth & Society*. 1979. №11. P. 191–213.
52. Lauer R. The generation gap as sociometric choice // *Youth & Society*. 1973. №5. P. 227–241.
53. Johnston J. Social Change and parent-youth conflict: the problem of generations in English and French Canada // *Youth & Society*. 1975. №7. P. 3–26.
54. Глухов А. П. Цифровая грамотность поколения Z: социально-сетевой ракурс // *Вестник Иомского государственного университета Философия. Социология. Политология*. 2019. №52. С. 126–137. <https://doi.org/10.17223/1998863X/52/13>
55. Way A. Shawna M.. The study of youth online: a critical review and agenda. *Review of Communication*. 2017. №17. P. 119–136. <https://doi.org/10.1080/15358593.2017.1293838>

References:

1. Lloyd, I. (2020). *Information technology law*. Oxford University Press, USA.

2. Prensky, M. (2001). Digital natives, digital immigrants. Part 1. *On the Horizon*, (9(5)), 1–6. <https://doi.org/10.1108/107481201110424816>
3. Cilliers, E. (2017). The challenge of teaching generation Z. *People: International Journal of Social Sciences*, (3(1)), 188–198. <https://doi.org/10.20319/pijss.2017.31.188198>.
4. Rospigliosi, P. (2019). The role of social media as a learning environment in the fully functioning university: preparing for Generation Z. *Interactive learning environments*, (27(4)), 429–431. <https://doi.org/10.1080/10494820.2019.1601849>
5. Blankenship, R. (2017). Are Digital Natives Real? Exploring The Myths And Realities Of The Digital Native Existence. *INTED, Proceedings*, 7826–7826. <https://doi.org/10.21125/inted.2017.1832>
6. Sanches, J., Salinas, A., Contreas, D., & Meyer, E. (2011). Does the new digital generation of learners exist? A qualitative study. *British journal of educational technology*, (42(4)), 543–556. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8535.2010.01069.x>.
7. Kulakova, A. B. (2018). Pokolenie Z: teoreticheskii aspect. *Voprosy territorial'nogo razvitiya*, (2 (42)), 1–10. (in Russian). <https://doi.org/10.15838 / tdi.2018.2.42.6>
8. Cretu, I., Grigore, M., & Scripcariu, I. S. (2020). Get ready for gen Z, our next generation of medical students. *Revista de Cercetare si Interventie Sociala*, (69), 283–292. <https://doi.org/10.33788/rcis.69.18>
9. Šorgo, A., Bartol, T., Dolničar, D., & Podgornik, B. (2016). Attributes of digital natives as predictors of information literacy in higher education. *British Journal of Educational Technology*, (48(3)), 749–767. <https://doi.org/10.1111/bjet.12451>
10. Ohme, J. (2019). When digital natives enter the electorate: Political social media use among first-time voters and its effects on campaign participation. *Journal of Information Technology & Politics*, (16(2)), 119–136. <https://doi.org/10.1080/19331681.2019.1613279>
11. Willems, H, Décieux, J., & Heinen, A. (2019). Social Media and Its Role in Friendship-driven Interactions among Young People: A Mixed Methods Study. *Young*, (27(1)), 18–31. <https://doi.org/10.1177/1103308818755516>
12. Cabrera, N., Matias, C., & Montoya, R. (2017). Activism or slacktivism? The potential and pitfalls of social media in contemporary student activism. *Journal of Diversity in Higher Education*, (10(4)), 400–415. <https://doi.org/10.1037/dhe0000061>
13. Bol'shunova, T. V. (2018). Tsennostno-motivatsionnyi aspekt uchastiya «pokoleniya z» v sovremennom politicheskom protsesse. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*, (1), 63-67. (in Russian).
14. Dolot, A. (2018). The Characteristics of Generation Z. *E-mentor*, (2), 44–50. doi: 10.15219/em74.1351
15. Glebova, E. A., Bgantseva, I. V., Tislenkova, I. A., & Tikhaeva, V. V. (2020). Internetizatsiya sovremennoi molodezhnoi subkul'tury. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Psikhologo-pedagogicheskie nauki*, (3), 4–37. (in Russian). <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2020.3.2>
16. Prensky, M. (2013). Our Brains Extended. *Technology-Rich Learning*, (70(6)), 22–27.
17. Rudenkin, D. V., & Rudenkina, A. I. (2019). Internet v sotsial'noi ran'l'soti rossiiskoi molodezhi: trendy i riski. *Juvenis Scientia*, (1), 43-48. (in Russian). <https://doi.org/10.32415/jscientia.2019.01.10>
18. Rudenkin, D. (2020). Internet in Social Reality of Russian Youth: Potential Risks and Opportunities. In *Proceedings of the Fourth International Scientific Conference “Communication Trends in the Post-literacy Era: Multilingualism, Multimodality, Multiculturalism”*, 270-283. <https://doi.org/10.18502/kss.v4i2.6345>

19. Rudenkin, D. V. (2019). Internet-zavisimost' rossiiskoi molodezhi: mif ili real'nost'? *Sotsium i vlast'*, (4(78)), 16–28. (in Russian).
20. Rudenkin, D. V., & Trynov, D. V. (2021). Formirovanie interesa rossiiskoi molodezhi k politizirovannomu kontentu v Internete: na puti k tselostnoi analiticheskoi modeli. *Sotsiodinamika*, (10), 51–61. (in Russian). <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.10.35223>
21. Rudenkin, D. V. (2018). Ekspansiya Interneta v prostranstvo povsednevnoi kommunikatsii rossiiskoi molodezhi: portret yavleniya. *Diskurs*, (4(18)), 188–196. (in Russian).
22. Thulin, E. (2017). Always on my mind: How smartphones are transforming social contact among young. *Young*, (26(5)), 1–19. <https://doi.org/10.1177/1103308817734512>
23. Simpson, J. (2020). Twenty-first century contact: the use of mobile communication devices and the internet by young people in care. *Adoption and Fostering*, (44(1)), 6–19. <https://doi.org/10.1177/0308575920906100>
24. Pak, L. G. (2021). Sotsializatsiya tsifrovogo pokoleniya studencheskoi molodezhi v arkhitektonike vysshego obrazovaniya: teoretiko-prikladnoi aspect. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, (1(37)), 190–204. (in Russian). <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2021.37.16>
25. Peres, P., & Mesquita, A. (2018). Characteristics and learning needs of Generation Z. *Proceedings of the European Conference on e-Learning, ECEL*, 464-473
26. Szymkowiak, A., Melović, B., Dabić, M., Jeganathan, K., & Kundi, G. S. (2021). Information technology and Gen Z: The role of teachers, the internet, and technology in the education of young people. *Technology in Society*, 65, 101565. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2021.101565>
27. Rudenkin, D. V. (2021). Spetsifika reaktsii molodezhnoi auditorii na otrazhenie sotsial'nykh problem v videoblogakh: keis video "VICH v Rossii" na YouTube-kanale "Vdud". *Politika i Obshchestvo*, (2), 53–67. (in Russian). <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2021.2.36242>
28. Rudenkin, D. V. (2022). Uroven' razvitiya navykov tsifrovoi gigieny sovremennoi rossiiskoi molodezhi: itogi sotsiologicheskogo issledovaniya. *Sotsiodinamika*, (1), 36–55. (in Russian). <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2022.1.37487>
29. Lapousis, G., & Petsiou, E. (2017). The Impact of the Internet use in physical activity, exercise and academic Performance of school students aged 14-16 years old. *Economics of Innovation and New Technology*, (3), 12–16.
30. Alagoz, N. & Keskinilic, A. (2022). The relationship between internet and game addiction and the levels of physical activity of the secondary education students. *Medicine Science International Medical Journal*, (11), 267. <https://doi.org/10.5455/medscience.2021.12.405>
31. Kwok, C., Leung, P., Poon, K., & Fung, X. (2021). The effects of internet gaming and social media use on physical activity, sleep, quality of life, and academic performance among university students in Hong Kong: A preliminary study. *Asian Journal of Social Health and Behavior*, (4(1)), 36–44. https://doi.org/10.4103/shb.shb_81_20
32. Firth, J., Torous, J., & Stubbs, B. (2019). The "online brain": how the Internet may be changing our cognition. *World psychiatry: official journal of the World Psychiatric Association (WPA)*, (18), 119–129. <https://doi.org/10.1002/wps.20617>
33. Small, G., Lee, J., Kaufman, A., Jalil, J. (2020). Brain health consequences of digital technology use. *Dialogues in Clinical Neuroscience*, (22(2)), 179–187. <https://doi.org/10.31887/DCNS.2020.22.2/gsmall>
34. Hoehe, M., & Thibaut, F. (2020). Going digital: how technology use may influence human brains and behavior. *Dialogues in Clinical Neuroscience*, (22(2)), 93-97. <https://doi.org/10.31887/DCNS.2020.22.2/mhoehe>

35. Websrer, F. (2006). *Theories of the Information Society*. Routledge, London, UK.
36. Eriksen, T. (2001). *Tyranny of the moment: fast and slow time in the Information age*. Pluto Press, London, UK.
37. Castells, M. (2003). *The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, business, and society* (Clarendon lectures in management studies). Oxford University Press, USA.
38. Khazaal, Y. (2019). Mental Health apps: innovations and challenges. *Revue Medicale Suisse*, (15(663)), 1650–1656. <https://doi.org/10.4236/etsn.2014.33003>
39. Sklar, A. (2017). Sound, smart, and safe: A plea for teaching good digital hygiene. *Learning landscapes*, (10(2)), 39-43. <https://doi.org/10.36510/learnland.v10i2.799>
40. Hundric, D., Ricijas, N., & Vlček, M. (2018). Youth and internet addiction: Review of contemporary knowledge. *Hrvatska Revija Za Rehabilitacijska Istrazivanja*, (54), 123-137. <https://doi.org/10.31299/hrri.54.1.9>
41. Varlamova, S. N., Goncharova, E. R., & Sokolova, I. V. (2015). Internet-zavisimost' molodezhi megapolisov: kriterii i tipologiya. Monitoring obshchestvennogo mneniya. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, (2), 165–181. (in Russian). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.2.11>
42. Johnson, N., & Keane, H. (2015). Internet addiction? Temporality and life online in the networked society. *Time & Society*, (26(3)), 267–285. <https://doi.org/10.1177/0961463x15577279>
43. Deinla, I., Mendoza, G., Ballar, K., & Yap, J. (2022). The link between fake news susceptibility and political polarization of the youth in the Philippines. *Asian Journal of Political Science*, (30), 1. <https://doi.org/10.1080/02185377.2022.2117713>
44. Baptista, J., Gradim, A. & Correia, E. (2022). The relationship between the belief in fake news and the strategies to seek information from young Portuguese people. *Observatorio*, (16), 203–232. <https://doi.org/10.15847/obsOBS16320222082>
45. Putta, S., Kohir, S., & Chavan, R. (2022). Social networking sites usage and psychological wellbeing: A survey among Telangana youth. *Ijpmonline*, (1), 21–28. <https://doi.org/10.26524/ijpm.1.4>
46. Seungchul, L., & Sungkyu, L. A. (2022). Study on the Role Types of Youth Cyberbullying and its Associated Factors. *Journal of Adolescent welfare*, (24), 119–146. <https://doi.org/10.19034/KAYW.2022.24.2.06>
47. Soita, S., & Njoroge, H. (2023). Social Media Influence on Personal Security among the Youth in Nairobi City County, Kenya. *East African Journal of Information Technology*, (6(1)), 1–14. <https://doi.org/doi.org/10.37284/eajit.6.1.1112>
48. Shrivastava, R., & Jain, D. (2021). Impact of cybercrime on youth in lockdown. *Legal Research Development an International Refereed e-Journal*, (6), 15–20. <https://doi.org/10.53724/lrd/v6n1.04>
49. Elsaesser, C., Patton, D., & Kelley, A. (2020). Avoiding fights on social media: Strategies youth leverage to navigate conflict in a digital era. *Journal of Community Psychology*, (49), 1-10. <https://doi.org/10.1002/jcop.22363>
50. Jagannath, K., Salen, K., & Slovak, P. (2020). "(We) can talk it out...": designing for promoting conflict-resolution skills in youth on a moderated Minecraft server. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*, (4), 1–26. <https://doi.org/10.1145/3392855>.
51. Scott, W., & Hrasnick, G. (1979). Generations and group consciousness: a quantification of Mannheim's analogy. *Youth & Society*, (11), 191–213.
52. Lauer, R. (1973). The generation gap as sociometric choice. *Youth & Society*, (5), 227–241.

53. Johnston, J. (1975). Social Change and parent-youth conflict: the problem of generations in English and French Canada. *Youth & Society*, (7), 3–26.

54. Glukhov, A. P. (2019). Tsifrovaya gramotnost' pokoleniya Z: sotsial'no-setevoi rakurs. *Vestniak Iomskogo gosudarstvennogo universiteta Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, (52), 126–137. (in Russian). <https://doi.org/10.17223/1998863X/52/13>

55. Way, A. Shawna, M. (2017). The study of youth online: a critical review and agenda. *Review of Communication*, (17), 119–136. <https://doi.org/10.1080/15358593.2017.1293838>

Работа поступила
в редакцию 11.10.2023 г.

Принята к публикации
18.10.2023 г.

Ссылка для цитирования:

Руденкин Д. В., Лугин Д. А. Последствия и риски внедрения информационных технологий в повседневную социальную реальность молодежи // Бюллетень науки и практики. 2023. Т. 9. №11. С. 335-354. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/96/44>

Cite as (APA):

Rudenkin, D., & Lugin, D. (2023). Consequences and Risks of Introducing Information Technology Into the Daily Social Reality of Youth. *Bulletin of Science and Practice*, 9(11), 335-354. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/96/44>